

Содержание

От автора	7
-----------------	---

ПРОЛОГ. ВЕСНА СЕМНАДЦАТОГО

ДОНЕЦК, ТРИ ГОДА НА ВОЙНЕ	
<i>Записки из города, который не сдаётся</i>	15
<i>Интермедия первая.</i> Поручение Бабицкого	22
КОМАНДА «РОССИЯ»	
<i>Очерк о поездке в Лутугинский интернат</i>	28
<i>Интермедия вторая.</i> Дарджилинг у Ходаковского, пирожки с горохом в Ясиноватой и карп в ресторане «Пушкин»	34
Первый разговор с Александром Ходаковским — о проблемах переходного периода, в ожидании здоровой российской бюрократии и Анны на шею	35
<i>Интермедия третья,</i> о шекспировских могильщиках и превратностях войны	53
ДОНЕЦК, ТРИ ГОДА НА ВОЙНЕ	
<i>Записки из города, который мечтает о России</i>	58
<i>Интермедия четвертая,</i> о Дне Победы в Донецке и чувстве безопасности в полукилометре от «несчастливого неприятеля»	68
БАТАЛЬОН НОМЕР	
<i>Очерк с позиций, буквально, в саду</i>	70
МАЙ, ТРУД, ВОЙНА	
<i>Записки из города, в котором праздник, несмотря ни на что</i>	74
<i>Интермедия пятая.</i> Удивительные звери Иловайска	81

ЗАВЯЗКА. КАК ПОПАСТЬ НА ВОЙНУ

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ БОЯРИНА МОРОЗОВА, ЗАПИСАННАЯ С ЕГО СЛОВ В ГОРОДЕ ДОНЕЦКЕ	92
ДЕПУТАТ ГОРЕЛИК	108
НЕМНОГО О ЕВЕ <i>из окрестностей Донецкого аэропорта</i>	111

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: СВИДЕТЕЛЬСТВО

НОВОСЕЛЬЕ	129
I. Нехорошая квартира	129
II. Рождественские ночи, или переведи меня через майдан	134
Зеркало для героя	143
ПЕТРОВСКИЕ С УЛИЦЫ ПЕТРОВСКОГО	144
ТЕРРИТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	151
Вячеслав Теркулов: Для того, чтобы изменить мировидение человека, нужно изменить язык, на котором он говорит	152
ЛЮДИ С БИЛЕТОМ В ОДИН КОНЕЦ	159
Донбасс Интернешна: за что здесь сражаются люди со всего света	160
МИРНЫЕ	167
I. Как выжить в плену у «правосеков» и потом ничего не бояться: воспоминания депутата сельсовета	169
II. Узел Дебальцево	175
III. Лошадиная фамилия: как семья с детьми и животными выживала в поселке, занятом украинскими войсками	180
IV. Война соседних улиц	185
V. Будем жить	190
ГОСПОДЬ ПОСЛАЛ НАМ ВОЙНУ, ЧТОБЫ МЫ СПАСЛИСЬ	198
I. Господь послал нам войну, чтобы мы спаслись	199
II. Как отметили главный православный праздник в прифронтовом храме Донецка	208
III	212
Священник Дмитрий Трибушный: «Чтобы война закончилась, надо избавляться от стереотипов»	213
ВОИНЫ «ВОСТОКА»	221
I. Второй разговор с Александром Ходаковским, когда он говорит, в общем-то, не со мной	222
II. Человеческий фактор: как шахтеры и учителя стали батальоном «Восток»	225
III. Возле войны	234

IV. Разведка поем	240
V. Их становится больше, а нас становится меньше	242
VI. Гибель комбата: потери Донбасса всё меньше интересуют большую Россию	248

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ДОНБАССКИЙ УЗЕЛ

КАК ВМЕРЛА УКРАИНА	257
I. Украинские скрепы, Донбасс как Европа и СССР — наш Древний Рим	258
II. Служили два товарища	262
III. Объявить Харьковскую республику получилось, а вот защитить — уже нет	267
IV. Вопросы русского национализма в оккупации; разговор с бывшим политзаключенным Украины	276
ВОССТАНИЕ ДОНБАССА	285
I. Как Донбасс отделялся от Украины	287
II	293
Андрей Пургин: Мечта о Новороссии — это шар, заброшенный в будущее	295
III. Пассионарный взрыв	302
ДЕЛО В ДОНЕЦКОМ АЭРОПОРТУ	312
I. Дело в Донецком аэропорту: как декларация о намерениях обернулась бойней	315
II. Разговор с «Драконом»	326
III. Вопрос доверия	333
РОЖДЕНИЕ АНТИСИМВОЛА	337
Андрей «Следак» Козлов: война ничего не списывает	345
ЧЕРНЫЕ ПОЛКОВНИКИ	356
ДУБИНА НАРОДНОЙ ВОЙНЫ	360
ЛЮДИ РАЗНЫХ ЗАВЕТОВ	366
I. Ветхий: лейтенант Эней	367
II. Новый: лейтенант Коробов-Латынцев — «Цель подобной войны — мир»	371
III. Купите ему торт	378
ХОРОШИХ И ПЛОХИХ НА ВОЙНЕ НЕТ	380
ЧЕЛОВЕК С ПОЗЫВНЫМ СКИФ	387

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ТИХИЙ ДОНБАСС

СТРАДА	399
I. Петроградская война как и зачем переживают шесть лет конфликта на Донбассе жители греческого села Старобешево	400

II. Люди, львы, орлы и куропатки — как их сберечь на войне.	404
III.	409
В надежде, что пойдет дождь.	410
ТИХИЙ ДОНБАСС	424
КОРРЕКЦИЯ СТРАХА СМЕРТИ.	449
ТРУД ДЛЯ НАСТОЯЩЕГО МУЖИКА	
<i>Как добывают уголь в огне войны</i>	465

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: В ОЖИДАНИИ ВОЙНЫ

И РОССИЯ НЕ БУДЕТ ПРЕЖНЕЙ	479
АНГЕЛЫ ИЗ ЮТУБА	487
I. Батальон «Ангел»: мы готовы быть кем угодно	488
II. Солдат Вера и ее дети	496
МАТЕРИ ИВАНОВ	
<i>Как рожают детей во время войны</i>	498
I. Барышня, хулиган и их сын Ванюша	499
II. Солдат Вера и ее дети	504
ГРАЖДАНСКАЯ ОБОРОНА	509
I. В ожидании войны: разговор с главой прифронтового поселка Александровка	509
II. <i>Интермедия о справедливости</i>	515
III. Гражданская оборона: как Донбасс готовится к возможному обострению	520
ДОБРОВОЛЬЦЫ	532
I. Как донбасские добровольцы готовятся к вероятной войне	532
II. Оборона Саур-Могилы: под покровом «Града»	541
III. Гроза	550
ЭПИЛОГ.	555
POST SCRIPTUM	564

*Памяти моей мамы Лилии Рассохо,
советской принцессы,
которая не успела увидеть,
как возвращается ее страна.*

От автора

Эта книга была собрана в те несколько лет до начала российской спецоперации на Украине, когда конфликт на Донбассе находился в состоянии «глубокой заморозки».

«Заморозка» при этом происходила на фоне боестолкновений между вооруженными силами Украины и республик Донбасса, обстрелов городов и поселков. Она сопровождалась потерями в рядах республиканских и — в меньшей степени — украинских военных и жертвами среди мирного населения.

Впервые меня сорвало в Донецк на фоне военного обострения начала 2017 года. Тогда были серьезные потери под Ясиноватой и на так называемой «Авдеевской промке», в том числе — среди республиканского комсостава: в конце января при попытке прорваться к своим бойцам, атакованным на позиции, погиб комбат, выходец из бригады «Восток» Иван «Грек» Балакая. Смерть эта осталась тогда за кадром.

Затем в собственном кабинете был взорван командир батальона «Сомали» Михаил «Гиви» Толстых — и вот это известие моментально облетело федеральные СМИ.

Эмоциональный мотив мой, если формулировать его прямолинейно, может показаться наивным — пока я собираюсь ехать в командировку на Донбасс, там поубивают всех ярких людей.

Люди эти даже заочно стали мне более интересны, нежели бóльшая часть моего собственного интеллигентского круга двух столиц, включая и тех, с кем меня связывали глубокие личные отношения. Такое случается в эпоху катаклизмов. Необходимо заметить, что, отправляясь в Донецк в марте 2017-го, я была состоявшимся журналистом и литератором с изрядным списком газетных и книжных публикаций, друзьями и поклонниками в либеральных кругах, а также человеком определенно «западнического» бэкграунда. Окончив английскую школу в Петергофе и Санкт-Петербургский университет, я несколько раз посещала Западную Европу, также побывала в США. Начиная с 2014 года, мои друзья и коллеги недоумевали тому, что я частным образом высказываюсь в поддержку русских людей Донбасса, которых они считали в лучшем случае — мятежными украинцами, в худшем — взбунтовавшимися люмпенами.

Еще один принципиальный момент: интуитивно поддерживая Донбасс, я никогда не испытывала антипатии к украинскому народу и культуре Малороссии, будучи сама малороссийских корней по деду, советскому адмиралу Анатолию Ивановичу Рассохо, которому эта часть его идентичности никогда не мешала осознавать себя русским имперским человеком. В том числе поэтому мне нужно было разобраться в том, что же произошло и происходит на этой — не чужой для меня — земле. Увидеть происходящее своими глазами и понять, почему не чужие люди принялись ненавидеть и даже убивать друг друга из-за иллюзорного, на мой взгляд, «европейского выбора».

Профессиональных журналистских высказываний об этой войне — до первого визита на Донбасс — я себе не позволяла. Но в какой-то момент я должна была их позволить — и для этого необходимо было отправиться на место событий и увидеть происходящее своими глазами.

Если говорить совсем просто, я поехала на Донбасс в поисках правды.

К моменту моего первого визита в республики Донбасса здесь уже существовала довольно отлаженная система рес-

публиканской власти, работали светофоры, магазины и кафе. В то же время, прогуливаясь вечером по набережной Кальмиуса в центре Донецка, горожане могли наблюдать за рекой неизменный фейерверк артиллерийских прилетов.

А в один из первых дней в Донецке я увидела на стене граффити, которое и дало название этой книге. Там было написано: «Русь милая, люблю тебя» — и нарисованы сердечки в цветах флагов России и Донецкой Народной Республики.

После той ранней весны я видела Донецк осенью — во всём её здесь великолепии, зимой — неожиданно мягкой для северянина, новой весной и летом; при первом главе Александре Захарченко — и после его смерти. Наблюдала, как меняется город, как возвращаются люди и автомобили на его улицах встают в первые пробки. Красила глаза для похода на эфир местного телеканала — и надевала бронжилет перед поездкой на передовую. Пыталась разобраться в том, что уже случилось, увидеть то важное, что происходило при мне, и хоть приблизительно угадать не только чаянный, но и возможный образ будущего.

Угадать доступным для меня способом — собирая, в старой русской традиции «гоголевской школы», полевые очерки о людях, событиях, традициях высокой культуры и традициях народных, домашних.

В момент публикации книги это будущее свершается на наших глазах. В своем трагизме и масштабности оно превзошло даже ожидания человека, знакомого с предысторией конфликта. Вместе с тем некоторым первым моим читателям именно знакомство с картиной событий до февраля 2022 года помогло понять смысл и горькую неизбежность происходящего.

Моя работа на Донбассе, несмотря на кажущуюся неожиданность подобного поворота биографии, была обычной деятельностью человека моей профессии. Главное, что придавало ей смысл, — даже не острота и трагизм военной ситуации, а люди, которых я здесь встречала. Те самые яркие люди, которые на Донбассе, слава богу, никак не заканчива-

лись... И чувства, которые эти встречи сопровождали. Основным чувством, было, пожалуй, ощущение несоразмерности себя — человека, который в любой момент может вернуться в свое относительное благополучие, и их — людей, ничем по большому счету не отличающихся от нас в смысле языка, культуры, ментальности, и готовых за сохранение этих простых черт и неотъемлемого на них права пожертвовать не только благополучием, но и жизнью.

О них — эта книга.

*Страницу и огонь, зерно и жернова,
секиры остриё и усечённый волос —
Бог сохраняет всё; особенно — слова
прощенья и любви, как собственный свой голос.
В них бьётся рваный пульс, в них слышен костный хруст,
и заступ в них стучит; ровны и глуховаты,
затем что жизнь — одна, они из смертных уст
звучат отчётливей, чем из надмирной ваты...*

Иосиф Бродский